

Казак Олег Геннадьевич

Национальный архив Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

РЕФЛЕКСИЯ НАД СОБЫТИЯМИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ ПЕРИОДА ВЕНГЕРСКОГО ГОСПОДСТВА (1939—1944 гг.)

События Первой мировой войны стали одним из самых драматичных периодов в истории Подкарпатской Руси (сегодня — Закарпатская область Украины). С сентября 1914 г. по весну 1915 г. русские войска занимали большую часть австрийской Галиции, включая т. н. Лемковину. После того как армия Российской империи покинула эти земли, в регионе, а также в соседней Подкарпатской Руси, которая после установления дуалистической монархии Австро-Венгрии подчинялась Будапешту, развернулся настоящий террор в отношении местного населения, преимущественно именовавшего себя этнонимом «русины» и придерживавшего русофильских симпатий. Зверства австрийских и венгерских войск были подробно описаны в литературе (в качестве примера можно привести работы П.С. Гардого «Военные преступления Габсбургской монархии 1914—1917 годов», В.Р. Ваврика «Терезин и Талергоф» и др.).

После краха империи Габсбургов Подкарпатская Русь вошла в состав Чехословакии. Представители местной интеллигенции имели довольно широкие возможности свободного выражения своих воззрений в прессе и публицистике, впрочем, при определенных предпочтениях Праги приверженцам проукраинских идей (особенно в 1920-е гг.). В указанный период интеллектуальные элиты региона представили на суд общественности несколько моделей идентичности местного восточнославянского населения. Русофилы трактовали русинов как самую западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, указывали на огромный духовный потенциал русской цивилизации, к достижениям которой, по их мнению, должны приобщиться русины. Украинофилы считали местное население частью украинского народа с «неразбуженным» украинским самосознанием. Из русофильского направления постепенно выделилось русинофильское течение, считавшее русинов отдельным славянским народом, а не частью русских или украинцев [7, с. 269—270].

После повторного присоединения территории региона к Венгрии власти сделали ставку именно на третье направление. В рамках офици-

ального курса «угро-русинизма» утверждалось, что русины являются отдельным народом, которому одинаково чужды как прорусские, так и проукраинские идеи. При этом подчеркивалось, что русины связаны с венграми тесными историческими узами, а Будапешт позиционировался как покровитель самобытной русинской культуры [2]. Естественно, события Первой мировой войны не могли стать материалом для формирования выгодной Будапешту коллективной памяти у местного славянского населения.

Некоторые сведения о событиях Первой мировой войны содержатся в венгероязычных монографиях Ш. Бонкало и К. Ратца, изданных соответственно в 1940 г. и 1941 г. и не предназначенных для массового читателя. Так, Ш. Бонкало в работе «Русины» утверждал, что население региона на протяжении всего периода войны сохраняло верность венгерскому государству, но русская и панславистская пропаганда привели к тому, что в среде местного восточнославянского населения нашлись «один-два предателя» [8]. Схожий взгляд на события предлагал и К. Ратц в монографии «История панславизма». Прорусские симпатии местного населения трактовались исключительно как продукт пропаганды немногочисленных политиков во главе с братьями А. и Г. Геровскими, действовавших на деньги Российской империи [10, с. 179—181]. Подобные заявления венгерских историков не выдерживают никакой критики ввиду многочисленных зафиксированных случаев приятного отношения русинов к русской армии, предоставления русинами информации о перемещениях австро-венгерских подразделений и т. п. [7, с. 102].

Тем не менее в Подкарпатской Руси проводились отдельные мероприятия, посвященные событиям Первой мировой войны. Например, в ноябре 1943 г. в Хусте в присутствии премьер-министра Венгрии М. Каллаи и ряда высокопоставленных особ был открыт мемориал в честь воинов той кампании. На мероприятии присутствовали русины и венгры, принимавшие участие в боевых действиях. В своей речи М. Каллаи указал на общность судьбы всех народов, проживавших на территории Венгрии [9].

В официальной прессе (газета «Новая неделя») авторы статей, посвященных событиям Первой мировой войны, весьма стереотипно повествовали о жестокости русских войск в Карпатах. Так, И. Контратович в одной из заметок говорил о дикости солдат русской армии по отношению к русинам, которых в одном из сел «изрубили на куски» [4]. Действительно, отдельные случаи неподобающего отношения представителей русских войск к населению Галиции и Лемковины

имели место, однако в официальной публицистике именно эти факты преподносились как типичные для ситуации в регионе в 1914—1915 гг. В свою очередь, жестокости австро-венгерского террора против русинского населения русофильской ориентации венгерская пропаганда, естественно, замалчивала.

Особым взглядом на проблему отличался один из самых влиятельных политиков и общественных деятелей Подкарпатской Руси С. Фенцик. Будучи убежденным русофилом, он считал, что оптимальное развитие региона возможно в рамках венгерской государственности. В опубликованном на страницах газеты «Карпаторусский голос» манифесте С. Фенцик проводил параллели между концентрационным лагерем в Талергофе, действовавшем в годы Первой мировой войны, и концентрационным лагерем близ Рахова, который был создан в период деятельности автономного проукраинского правительства А. Волошина (октябрь 1938 г. — март 1939 г.) [6]. В это время проходила политика агрессивной украинизации всей общественной и культурной жизни региона. Проводя параллели между двумя концентрационными лагерями, С. Фенцик акцентировал традиционное среди русофильской интеллигенции и во многом отвечающее действительности представление об активистах радикального украинского национального движения как пособниках преступлений австро-венгерских войск. В этом же манифесте С. Фенцик утверждал: «При помощи братского венгерского народа мы стрясли с себя нависшее украинское ярмо. Русско-венгерское братство было снова наглядно продемонстрировано» [6]. Таким образом, рефлексия над событиями Первой мировой войны для политика стала одним из аргументов в разоблачении украинского идеологического направления в регионе. Такие взгляды С. Фенцика шли в фарватере курса официального Будапешта. Однако на страницах его издания часто публиковались статьи с критикой официального курса угро-русинизма, который объявлялся переходным этапом к господству радикальных проукраинских идей [3; 5]. Авторы принадлежавшего С. Фенцику издания обвиняли «русинистов» в нагнетании слухов об опасности русофильских идей для интересов венгерской государственности. В подтверждение несостоятельности подобных мнений авторы газетных заметок приводили следующие аргументы: «Русскость — явление глубоко идеологическое, бытовое, традиционное и политической окраски не имеет. Тысячу лет мы считали себя русскими и, тем не менее, оставались под короной Святого Стефана, ибо карпатская русскость не означает карпаторусской ирреденты» [1]. Тем не менее, подобные заверения не встречали энтузиазма у приверженцев

официального курса. Само акцентирование внимания на событиях, связанных с репрессиями австро-венгерских властей в отношении русинов Подкарпатской Руси и Галиции, не приветствовалось Будапештом. Издательская деятельность С. Фенцика постоянно встречала различные трудности.

Таким образом, рефлексия над событиями Первой мировой войны стала важным элементом в идеологическом ландшафте Подкарпатской Руси в 1939—1944 гг. В официальном дискурсе факты проявления симпатии местного населения к русской армии либо не озвучивались, либо объяснялись исключительно вражеской агитацией. Информация об имевших место напряженностях в отношениях между русинами и русскими военными и чиновниками, наоборот, гиперболизировалась. Злодеяния австро-венгерских властей в Галиции и Подкарпатской Руси во время Первой мировой войны, за исключением отдельных случаев, замалчивались.

Библиографический список

1. А. Еще о русинизме / А. // Карпаторус. голось. — 1939. — 18 июня. — № 113. — С. 2.
2. Казак, О.Г. «Освобождение от чешского ярма»: культурно-национальная политика Венгрии в Закарпатье в 1939—1944 гг. / О.Г. Казак // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов [и др.]. — М., 2012. — Т. 12. — С. 328—344.
3. Контратович, И. Кровава Пасха в Карпатах / И. Контратович // Нова неделя. — 1939. — 9 апр. — С. 2.
4. Козикъ, М. По кривымъ дорогамъ / М. Козикъ // Карпаторус. голось. — 1939. — 28 июня. — № 116. — С. 1—2.
5. Русинизмъ снова в моде? // Карпаторус. голось. — 1939. — 7 июня. — № 111. — С. 1—2.
6. Фенцикъ, С. Манифестъ / С. Фенцикъ // Карпаторус. голось. — 1939. — 24 марта. — № 92. — С. 1—2.
7. Шевченко, К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX в. / К.В. Шевченко. — М.: Regnum, 2011. — 414 с.
8. Bonkáló, S. A rutének / S. Bonkáló // Sulinet [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nem_zetisegek/altalanos/a_rutenek/. — Дата доступа: 13.02.2014.
9. Első világháborús hősi emlékmű leleplezése Huszton // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://filmhiradokonline.hu/watch.php?id=5527>. — Дата доступа: 01.08.2014.
10. Rátz, K. A Pánszlávizmus Története / K. Rátz. — Budapest: Athenaeum, 1941. — 415 o.